Михаил ХАЗИН,
президент, консалтинговая компания «НЕОКОН»

История учит, что ничему не учит. Идея линейности развития экономики и человечества в целом на поверку оказалась наивной, и кризис современной экономической модели — не первый в истории человечества. Как ни странно, с экономической точки зрения он в чем-то схож с кризисами поздней античности и феодализма. Об экономических механизмах кризисов и их последствиях мы побеседовали с экономистом, президентом консалтинговой компании «НЕОКОН» Михаилом Хазиным.

«Экономического роста не будет»

– Некоторые эксперты высказывают мнение, что выход из кризиса возможен через запуск новой технологической волны в США. Насколько обоснованны такие предположения, на ваш взгляд?

– Развитие кризиса будет сопровождаться падением совокупного спроса. При падающем спросе и сокращающейся экономике нельзя запустить новую технологическую волну. Кризиса, подобного нынешнему, в истории современной экономики еще не было. Были кризисы античности и феодализма, но мы не можем их сравнивать, потому что тогда была совсем другая структура экономики, характеризующаяся, прежде всего, натуральным типом хозяйствования. Анализ межотраслевого баланса США и диспропорций между текущим спросом и доходами домохозяйств показывает, что по итогам этого кризиса экономика США сократится на 55–60%, европейская экономика — на 45–50%, а мировая — на 30–35%.

– Кризис, который еще только начинается, — это кризис «рейганомики» или всей модели научно-технического прогресса? Возможен ли откат до восстановления равновесия между спросом и предложением и запуск новой технологической волны?

– Историк Андрей Фурсов назвал этот кризис «кризисом-матрешкой». Мне нравится этот термин. Дело в том, что кризис начался как циклический, продолжился как кризис «рейганомики», а завершится он кризисом научно-технического прогресса. Связано это с тем, что вся модель научно-технического прогресса, как отмечал еще Адам Смит, основывается на постоянном расширении рынков. К сожалению, тезис Адама Смита был благополучно забыт во второй половине XIX века в рамках противоборства неоклассиков с Марксом.

Сегодня в силу глобализации мировой экономики расширять рынки сбыта уже некуда. Более того, они будут сужаться из-за кризиса «рейганомики». Следовательно, научно-технический прогресс в сегодняшнем варианте останавливается, хотя он и может еще продолжаться в отдельных отраслях и секторах экономики.

Чисто теоретически мир может отскочить назад, условно говоря — в 30–40-е годы, и попытаться на новой базе совершить новый скачок. В этом случае конкуренция между новыми технологическими центрами резко повысит вероятность войн.

Но я думаю, что подобный вариант маловероятен, так как падающая мировая экономика представляет собой почти непреодолимое препятствие на пути формирования новых технологических центров.

Скорее всего, в результате падения мировой экономики мир будет разделен на валютные зоны, в которых, однако, не будет быстрого роста. Появится несколько центров, которые начнут показывать рост, но догоняющий, сопровождающий переход от низкоиндустриальной экономики к высокоиндустриальной. Эти страны повторят пусть СССР с 30-х годов до конца 50-х. Такими центрами, вероятнее всего, станут Турция, Бразилия и Индия. У них будет локальный рост, но они не выйдут даже на уровень СССР 80-х годов.

– А Китай?

– Китай окажется в крайне тяжелом состоянии. Он мог бы иметь перспективы Индии или Бразилии, если бы не развивался очень быстро последние десять лет на американском спросе. В результате экономика Китая будет падать вместе с экономикой США. Это резко обострит социальную обстановку внутри страны. Я не знаю, как китайское руководство собирается решать эту проблему.

– Вы упомянули кризисы поздней античности и феодализма. Как они

развивались с экономической точки зрения и схожи ли с современным кризисом?

– С экономической точки зрения и кризис поздней античности, и кризис феодализма — это кризисы, в результате которых происходила смена модели экономического развития. У Маркса есть очень серьезная ошибка. Он писал о том, что смена формаций происходит в соответствии с уровнем производительности труда. Чем выше производительность, тем более передовая формация возникает. Но если мы посмотрим на кризис поздней античности, то увидим, что производительности труда, которая была на римских мануфактурах, Европа достигла только в конце XVIII века. А на уровень жизни крупных римских городов Европа вышла лишь во второй половине XIX века. Как же так?

> КРИЗИС НАЧАЛСЯ КАК ЦИКЛИЧЕСКИЙ, ПРОДОЛЖИЛСЯ КАК КРИЗИС «РЕЙГАНОМИКИ», А ЗАВЕРШИТСЯ ОН КРИЗИСОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Большинство микроэкономистов, работающих в рамках одной отрасли, рассматривают экономику только с точки зрения производства, забывая, что производство существует только тогда, когда есть соответствующий спрос. Вы можете изобрести совершенно гениальное удобрение, но если оно будет стоить $100 за килограмм и вы приедете продавать его в китайскую деревню, то его никто не купит. А если, к тому же, выясняется, что уровень безубыточности у вас составляет 10 млн тонн, а вы можете продать в лучшем случае 200 тыс. тонн, то вся производственная схема рушится. Это объективная ситуация, с ней ничего нельзя поделать.

Так вот, возвращаясь к кризису поздней античности, Римская империя была государством, в котором не было спроса. Откуда в рабовладельческом государстве спрос? Вся прибавочная стоимость создается в сельском хозяйстве. Безусловно, есть ремесленники, но они продают свою продукцию тем же крестьянам, которые, чтобы ее купить, должны продать хлеб. Римская империя достигла высокого уровня экономического развития за счет внесистемного источника дохода. Этим источником являлись контролируемые государством серебряные рудники в Испании.

Вторая Пуническая война, пожалуй, самая значительная в истории Рима, — это война за серебряные рудники. Контроль над этим источником дохода, находящимся в руках финикийцев, был абсолютным приоритетом для римлян. В результате победы над Ганнибалом Рим стал сильнейшим государством Запада, взяв под свой контроль источник драгоценного металла. Римские императоры раздавали это серебро гражданам, которые требовали хлеба и зрелищ. Но надо понимать, что людям давали не хлеб, а деньги. Все граждане империи получали своеобразный пенсион, за счет которого поддерживался спрос. Как только месторождения серебра закончились, то выяснилось, что всю эту высокую производительность труда невозможно более поддерживать, потому что нечем поддерживать спрос. Начался кризис поздней античности, сопровождавшийся падением производительности труда и уровнем жизни населения в крупных городах. Экономическая модель рабовладельческого общества себя исчерпала и была через какое-то время вытеснена новой моделью — феодальной, просуществовавшей почти тысячу лет. В результате воздействия ряда факторов, среди которых основным стал поток золота из Америки, резко опустивший цены на золото в течение XVI века, феодальная экономическая модель вошла в стадию кризиса и уступила место капиталистической модели. Поток золота из Центральной Америки — это фактически аналог эмиссии. Суть капиталистической модели производства состоит в том, что она базируется на постоянных инновациях, которые повышают производительность труда, но для своего внедрения требуют постоянного расширения рынков сбыта. Двигателем же инноваций при капитализме становится кредит, который был запрещен в феодализме, так как ростовщичество противоречило библейским ценностям. Естественно, этот запрет не являлся абсолютным. Он был относительным. Дававший кредит должен был понимать, что данный поступок неправильный и лишает его права претендовать на моральный авторитет в обществе. По этой причине профессия банкира в Европе до XVI века была презираемой.

В итоге Римская империя погибла из-за того, что иссякли серебряные рудники, а с ними и механизм эмиссии, а феодализм погиб из-за неконтролируемой эмиссии золота. Эмиссия — дело опасное. Американская «рейганомика» — это тоже эмиссия, которая сегодня продолжаться уже не может. Нынешний капитализм столкнулся со своим базовым ограничением — расширять рынки сбыта некуда. Какой будет следующая модель экономического развития, непонятно. Теоретически новая модель должна быть социалистической. Сразу оговорюсь, что не надо путать социализм как философскую систему с плановой экономикой, которая является лишь одним из способов воплощения принципов социализма в жизнь. Идея социализма как философской концепции довольно проста: использование преимуществ ссудного процента при одновременном запрете его частного присвоения. Это позволяет выбирать приоритетные направления развития экономики и государства, например космос и медицину, и направлять туда необходимые ресурсы. Развитие всего остального откладывается на потом, потому что одновременно развивать все направления невозможно, ресурсов не хватит и инновации не окупятся. Такой принцип был реализован в СССР, что позволило в беспрецедентно короткий срок развить промышленность. Вообще

> ЧИСТО ТЕОРЕТИЧЕСКИ МИР МОЖЕТ ОТСКОЧИТЬ НАЗАД, УСЛОВНО ГОВОРЯ — В 30–40-Е ГОДЫ, И ПОПЫТАТЬСЯ НА НОВОЙ БАЗЕ СОВЕРШИТЬ НОВЫЙ СКАЧОК. В ЭТОМ СЛУЧАЕ КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ НОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ РЕЗКО ПОВЫСИТ ВЕРОЯТНОСТЬ ВОЙН

с точки зрения стороннего наблюдателя СССР представлял собой капиталистическое государство-корпорацию. Социализм там был внутри корпорации, а не снаружи.

– Вы высказывали мнение, что СССР почти выиграл соревнование с Западом. Интересно услышать ваши аргументы.

– США и Запад в целом столкнулись с кризисом в 1971 году, когда Америка объявила дефолт по Бреттон-Вудским соглашениям. А потом пошло по нарастающей: поражение во Вьетнаме, нефтяной кризис, стагфляция в экономике. В этот момент СССР пошел навстречу США по трем направлениям. Во-первых, мы снизили нагрузку на бюджет Штатов, подписав договор ОСВ-1, который ограничивал количество баллистических ракет. Таким образом, США уже не нужно было тратить огромные средства, чтобы не отстать от СССР в ракетной мощи. Во-вторых, мы начали продавать нефть на мировые рынки в 1974 году. До этого момента СССР не получал доходов от продажи нефти. В-третьих, мы пошли на смягчение идеологического противостояния, подписав Хельсинский акт в 1975 году. Если бы мы ужесточили ситуацию, то, скорее всего, Штаты проиграли бы. Сейчас это невозможно вычислить точно. Но, во всяком случае, у нас был бы шанс, если бы у власти находились политики — Сталин или Хрущев, — а не технократы, как Брежнев.

США повезло больше, там у власти еще был политик Никсон, который спас Америку. Он сделал много важный вещей: совершил историческую поездку в Китай, подписал договор по ОСВ с СССР и встретился с Брежневым. Когда СССР оказался в сложном положении в конце 80-х, американцы не стали повторять наших ошибок — ослаблять давление — и разрушили СССР. Сейчас можно строить разные версии, но факт остается фактом: с точки зрения экономики, разрушение одного из центров неминуемо ведет через 20–25 лет к разрушению другого, потому что для освоения новых рынков необходим именно такой срок. Теоретически американцы могли бы продлить свой золотой век, если бы в начале 90-х годов закрыли активами, полученными от СССР, долги, которые они наделали в 80-е годы в рамках рейганомики. Но схема была уже изменена, и вместо того чтобы закрывать активами старые долги, они стали на этих активах делать новые и использовать их для увеличения капитализации. Это классический случай, демонстрирующий, что экономика во многом идет на поводу у политики. К власти пришли люди, которые умели делать деньги только таким способом, и они продолжали это делать, а нового Никсона уже не появилось. Был Клинтон, интеллектуального уровня которого оказалось недостаточно.

– Как будет развиваться кризис? Дефляция или сначала инфляция, а потом дефляция?

– Это исключительно политический вопрос. Проблема состоит в том, что когда есть эмиссия, то растут цены на сырье и падает реальный сектор. Когда эмиссии нет, то рушится сектор финансовый. Решение будет приниматься на политическом уровне, и экономическому анализу оно не поддается. Здесь нужен политолог, который бы проанализировал борьбу между республиканцами и демократами и так далее. Все зависит от того, пойдет ли Обама ва-банк или нет. Для него единственный способ выжить в политической борьбе по итогам 2012 года — это объявить войну Уолл-стрит. Есть мнение, что уже объявлена. Признаками начавшейся борьбы являются немыслимые ранее судебные иски против таких столпов, как Goldman Sachs, по обвинению в инсайдерской торговле, против рейтинговых агентств по обвинению в завышении рейтингов.

> ДЛЯ ОБАМЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ВЫЖИТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ПО ИТОГАМ 2012 ГОДА — ЭТО ОБЪЯВИТЬ ВОЙНУ УОЛЛ-СТРИТ. ЕСТЬ МНЕНИЕ, ЧТО ОНА УЖЕ ОБЪЯВЛЕНА

– Насколько серьезны проблемы Евросоюза?

– Проблема там существовала изначально. В рамках Евросоюза были объединены страны с разными экономическими моделями. До образования Евросоюза в условиях кризиса южные страны покрывали свои социальные расходы путем девальвации собственных валют и привлечения туристов. Когда создавался Евросоюз и единая европейская валюта, то предполагалось, что эти дыры будут закрываться в условиях постоянного роста экономики. Так оно и происходило, но когда рост закончился, то начались проблемы. Сегодня можно практически наверняка сказать, что если евро выживет по итогам кризиса (что неочевидно), то и количество стран в соответствующей зоне, и ее формат будут сильно отличаться от сегодняшнего.

– В последнее время все больше говорят о возрастании роли золота. Насколько вероятен возврат к золотому стандарту?

– Вариант золотого стандарта XIX века, когда люди расплачивались золотом, практически невозможен. Может возникнуть золотодевизный вариант наподобие Бреттон-Вудской системы. Я склонен считать, что появятся валютные зоны, в которых будет одна главная валюта, а все остальные — привязаны к ней. Эти зоны станут практически самодостаточными. А вот между зонами будет очень маленький оборот, привязанный к золоту. Баланс золотых потоков между зонами начнет регулироваться механизмом собраний, на которых будет подводиться итог за период и определяться объем поставок золота в соответствии с установленными курсами.

– Каков ваш прогноз для России?

– Фактически мы сегодня зависим от двух вещей: цены на нефть и резервных фондов. Экономического роста не будет. Непонятно, из чего он возникнет, когда во всем мире спад. Теоретически мы могли бы постараться вырасти, но для этого Россия должна частично закрыть экономику. Вместо этого мы хотим вступить в ВТО. По этой причине я думаю, что в ближайшие полтора года у нас мало что изменится. Будет наблюдаться такая же стагнация, а прорехи будут закрываться средствами из резервных фондов и доходами от растущих цен на нефть. Цены на нефть будут расти, потому что долларовая эмиссия продолжается. Я думаю, что к весне 2011 года цена нефти достигнет $110.

Беседовал **Юрий Павлов**